

**Марина
Викторовна
НЕМЫТИНА,**

доктор юридических наук,
профессор, заведующий
кафедрой истории права
и государства
Юридического института
Российского университета
дружбы народов
nemytina@mail.ru
117198, Россия, г. Москва,
ул. Миклухо-Маклая, д. 6

ЦИВИЛИЗАЦИОННО-КУЛЬТУРНЫЙ ПОДХОД В ПРАВОВЕДЕНИИ

Аннотация. В настоящей статье автор на материале зарубежной и российской литературы обосновывает преимущества цивилизационно-культурного подхода как новой познавательной парадигмы, пришедшей на смену формационному подходу, раскрывает категории «цивилизация» и «культура», их взаимосвязь и взаимообусловленность, обозначает возможности применения цивилизационно-культурного подхода в сравнительно-правовых исследованиях.

Ключевые слова: цивилизационно-культурный подход, цивилизация, культура, формационный подход, исследовательская парадигма, сравнительно-правовые исследования, диахронный метод, синхронный метод.

DOI: 10.17803/2311-5998.2017.32.4.028-040

M. V. NEMYTINA,

Doctor of Legal Sciences, Professor, Head of the Department of History of Law and State, Institute of Law, People's Friendship University of Russia
nemytina@mail.ru

117198, Russia, Moscow, Miklukho-Maklaya Str., 6

CIVILIZATIONAL-CULTURAL APPROACH IN LEGAL STUDIES

Annotation. The author, basing on foreign and domestic literature, proves advantages of civilizational-cultural approach as new gnostic paradigm that replaced formational one. She also defines «civilization» and «culture» categories, their correlation and interdependence. Finally the author shows opportunities of using civilizational-cultural approach in comparative legal researches.

Keywords: civilizational-cultural approach, civilization, culture, formational approach, research paradigm, comparative legal researches, diachronic method, synchronic method.

В современном правоведении право рассматривается как явление цивилизации и культуры, а в русле *цивилизационно-культурного подхода*¹, понятия «цивилизация» и «культура» соединяются. В связи с этим стоит разобратсья, что понимать под цивилизацией и культурой, делая определенный акцент на правовой составляющей этих явлений.

¹ В обороте отечественного правоведения используются такие термины, как «цивилизационный подход», «социокультурный подход», «культурологический подход». Представляется значимым не только отразить в самом названии сущность каждого из заявленных подходов, но и содержательно разграничить их между собой в плане возможностей применения в различных областях знаний, в том числе в рамках правоведения.

В основе представлений о цивилизациях — исследования А. Тойнби, С. Хантингтона², других западных авторов о цивилизациях как типах человеческих сообществ, объединенных общностью культуры, появившихся когда-то, испытывающих взлеты и падения, исчезнувших и существующих сегодня. Достижение обществами определенного уровня развития позволяет идентифицировать их как цивилизации, в этом смысле цивилизация как ступень развития противопоставит примитивным обществам и варварству.

Английский философ, социолог и культуролог А. Тойнби отмечает следующее: «Начав с мутаций, преобразовавших примитивные общества в цивилизации, мы обнаружили процесс перехода от статического состояния к динамической деятельности»³. Он отмечает «чередование статики и динамики в ритме Вселенной», «социальное подражание <...>, что можно определить и как приобщение через имитацию к социальным ценностям», указывает на силу инерции, воплощенную в обычае, и задается вопросом, «почему же примерно 6 000 лет назад некоторые индивиды направили свои усилия на то, чтобы преодолеть эту инерцию»⁴.

Цивилизации характеризуются длительностью и устойчивостью. «Практически все цивилизации, существующие в мире в двадцатом веке, возникли по крайней мере тысячу лет назад», «цивилизации хотя и смертны, но живут они очень долго», — утверждает американский философ, социолог и политолог С. Хантингтон⁵. Нельзя с точностью определить начало и конец цивилизаций, как не имеют они и четко очерченных территориальных границ, поэтому можно лишь с некоторой долей условности устанавливать пространства цивилизаций. В то же время есть циклы и стадии развития цивилизаций, которые во многом обуславливаются взаимодействием их с другими цивилизациями. Когда одна цивилизация обрела устойчивые формы и достигла своего могущества, внутри нее уже существует глубокий кризис и зреют предпосылки господства другой цивилизации, которая набирает темпы роста и движется к пику своего развития. На смену господствующей прежде цивилизации приходит новая цивилизация, обретающая мощь и влияние.

Методология сравнительного правоведения, имеющая собственную предметную область, свои научные подходы и методы исследования, очевидно, предполагает видение правовой картины мира в широком диахронном и синхронном ракурсах существования цивилизаций. Для этой области научных знаний чрезвычайно важен накопленный веками опыт, которым человеческие сообщества обмениваются в ходе своего развития. Сравнительное правоведение, апеллируя к истокам права, правовому опыту и традициям, постигает эволюционный ход правовой жизни стран и народов. Следовательно, правовая карта мира может быть представлена не в виде стран с их правовыми системами, и даже не в виде правовых семей, а в виде образов цивилизаций с их правовыми культурами.

² См.: Тойнби А., Хантингтон С. Вызовы и ответы. Как гибнут цивилизации. М.: Алгоритм, 2016.

³ Тойнби А. Подъем и падение цивилизаций // Тойнби А., Хантингтон С. Указ. соч. С. 10.

⁴ Тойнби А. Подъем и падение цивилизаций. С. 8, 10, 11.

⁵ Хантингтон С. Борьба между цивилизациями // Тойнби А., Хантингтон С. Указ. соч. С. 184.

ми. Цивилизации являются масштабными и устойчивыми образованиями, границы которых менялись в десятки раз реже, нежели границы государств. «Империи возвышаются и рушатся, правительства приходят и уходят — цивилизации остаются...» — отмечает С. Хантингтон⁶.

Современное мировое пространство можно рассматривать как совокупность цивилизаций, развитие каждой из которых определял и определяет вектор культуры с традициями, обычаями, языком общения, нравами, религиозными верованиями и т.д. Культуру можно рассматривать как ценности, фундаментальные идеи и опыт, передаваемые от поколения к поколению и тем самым обеспечивающие преемственность в общественном развитии. Таким образом, цивилизацию можно определить как устойчивое и динамично развивающееся во времени и территориальном пространстве образование, в рамках которого выкристаллизовывается и воспроизводит себя культура общества. Право во всех его многообразных проявлениях и формах существования является частью цивилизационной культуры. Понимание хода цивилизационного развития человеческих сообществ в сочетании с представлениями о культуре как эволюционном опыте в итоге и определяют цивилизационно-культурную парадигму познавательной деятельности.

Принято считать, что сравнительно-правовые исследования могут разворачиваться на макроуровне и микроуровне. Микросравнение позволяет исследовать правовые институты, судебные решения, статьи нормативных правовых актов и конкретные нормы⁷. То есть в компаративистских исследованиях, проводимых на микроуровне, позволительно доходить до мельчайших единиц во внутреннем строении права и во всем многообразии его внешних проявлений. Можно рассматривать «молекулы» и «атомы» правовой материи, выявляя, как они существуют в реальной жизни, на нормативном уровне и в социальных практиках, сопоставляя их применительно к различным правопорядкам. Гораздо сложнее установить пределы макросравнений. Так, например, оправданно ли на сегодняшний день под макросравнением понимать «сопоставление макрообъектов, к которым относятся правовые семьи и правовые системы»?⁸ Думается, что в русле цивилизационно-культурного подхода границы макросравнений значительно расширяются, а задачи существенно усложняются. Изучение правовых систем и их сопоставление точно нельзя отнести к макроуровню компаративистских исследований. И сопоставление правовых семей хотя и расширяет представления о праве, не является пределом в современной компаративистике. Границы правовых макросравнений, очевидно, лежат в плоскости явлений и феноменов цивилизации и культуры.

А. Тойнби идентифицировал 21 цивилизацию⁹, утверждая при этом, что «цивилизации могут появляться в обстоятельствах, в высшей степени различных» и «любые климатические и топографические условия способны стать подходя-

⁶ Хантингтон С. Борьба между цивилизациями. С. 184.

⁷ См.: Малиновский А. А. Методология сравнительного правоведения // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2016. № 3 (19). С. 15.

⁸ Малиновский А. А. Указ. соч. С. 13.

⁹ Среди древних цивилизаций: египетская, шумерская, андская, хеттская, мексиканская, минойская, эллинская, дальневосточная, китайская, индская, цивилизация майя, православно-христианская в России.

щей средой для возникновения цивилизации»¹⁰. Как отмечает ученый, «причина генезиса цивилизаций кроется не в единственном факторе, а в комбинации нескольких», причем «включающих как природный, так и человеческий элементы». Он утверждает также, что «в генезисе цивилизаций принимает участие более чем одна раса»¹¹.

Описывая, наряду с другими, славянскую православную цивилизацию, А. Тойнби отмечает, что «гипотеза, согласно которой своеобразие православного христианства — продукт русских лесов, рек и зимы, может быть опровергнута указанием на то, что аналогичные условия не породили цивилизации в Канаде». В то же время ученый обращает внимание на внешний фактор, способный «превратить “внутренний творческий импульс” в постоянный стимул, способствующий реализации потенциально возможных творческих вариаций». Так, по мнению автора, «неожиданное давление, начавшееся в 1237 г. знаменитым походом хана Батая, оказалось очень сильным и продолжительным». Но чем сильнее вызов, брошенный цивилизации, тем оригинальнее и созидательнее ее ответ. «В России ответ представлял собой эволюцию нового образа жизни и новой социальной организации, что позволило впервые за всю историю цивилизации оседлому обществу не просто выстоять в борьбе против евразийских кочевников <...>, но и достичь действительной победы <...>, изменив лицо ландшафта и преобразовав в конце концов кочевые пастбища в крестьянские поля, а стойбища — в оседлые деревни»¹².

Очевидно, нельзя считать, что одна цивилизация опережала или опережает в своем развитии другие или, напротив, отставала или отстает от них на своем пути. Просто каждая цивилизация имеет свой вектор развития, эволюционирует в рамках своей цивилизационно-культурной программы. Цивилизации возникали в мировом пространстве и исчезали в нем, появлялись новые цивилизации в иных пространственных территориальных и временных границах. В силу преемственности социальной жизни современные страны и населяющие их народы имеют разные коды цивилизационно-культурного развития.

Таким образом, цивилизационно-культурный подход содержит много ценного, способствующего уяснению противоречий и вызовов современного мира. В русле цивилизационно-культурного подхода представляется весьма сомнительной идея о возможности существования универсальной цивилизации, отождествляемой с западной цивилизацией. По мнению С. Хантингтона, ошибочным является представление о том, «что современное общество должно соответствовать единому типу — западному, что современная цивилизация — это западная цивилизация и что западная цивилизация есть современная цивилизация. Западная цивилизация зародилась в восьмом-девятом веках и приобрела отличительные черты в последующие столетия. Запад был Западом задолго до того, как он стал современным»¹³. Могущество Запада, по сравнению с другими цивилизациями, в настоящее время представляется весьма условным, и прогнозируется рост уверенности в своих силах незападных обществ на основе их культуры.

¹⁰ Тойнби А. Подъем и падение цивилизаций. С. 24.

¹¹ Там же. С. 24, 26, 28.

¹² Там же. С. 21, 28, 42.

¹³ Хантингтон С. Борьба между цивилизациями. С. 215.

Российский академик В. С. Степин отмечает: «Наряду с биологическим, генетическим кодом (ДНК, РНК), который закрепляет и передает от поколения к поколению биологические программы, регулирующие взаимодействие организма с внешней средой, у человека существует еще одна кодирующая система — социокод, посредством которого фиксируются программы социального поведения, общения и деятельности»¹⁴. Рассуждая о социокоде, автор обращается к категории «культура», которая, по его мнению, «может быть определена как система исторически развивающихся надбиологических программ человеческой жизнедеятельности (деятельности, поведения и общения), обеспечивающих воспроизводство и изменение социальной жизни во всех ее основных проявлениях. Эти программы представлены многообразием знаний, предписаний, норм, навыков, идеалов, образцов деятельности и поведения, идей, верований, целей и ценностных ориентаций и т.д. В своей совокупности и исторической динамике они образуют накапливаемый и постоянно развивающийся социальный опыт. Культура хранит, транслирует этот опыт (передает его от поколения к поколению). В этой функции она выступает как традиция, как социальная память. Но культура способна также генерировать и новые программы деятельности, поведения и общения людей, и часто задолго до того, как они внедряются в ткань социальной жизни, порождая социальные изменения. В этой своей функции культура предстает как творчество»¹⁵. В данном случае парной к категории «традиция» выступает категория «инновация».

«Многие поведенческие реакции играют роль социокультурных кодов, применяемых бессознательно», — утверждает В. С. Степин. «Сложно организованная система программ поведения, общения и деятельности, закрепленных в различных социокодах, составляет “тело” культуры. Индивидуальное развитие человека происходит благодаря усвоению транслируемого в культуре социального опыта. Программы деятельности, поведения и общения, сложившиеся в историческом развитии той или иной культуры, как бы накладываются на генетические программы человека. <...> Психический мир личности формируется как результат сложного взаимодействия надбиологических (социокультурных) и биологических (генетических) программ жизнедеятельности», — полагает он¹⁶.

Опираясь на приведенные выше характеристики категории «культура», можно утверждать, что правовая культура — это надбиологическая программа человеческой жизнедеятельности, отвечающая за сохранение преемственности в праве, следование в правоотношениях определенным, отвечающим цивилизационно-культурной идентичности образам и образцам правового поведения. На ленте культуры «живут» правовые традиции — некие образы, имеющие значение для доктринальной юриспруденции, институционального построения права, функционирования в обществе системы правоотношений. В то же время человек «способен, опираясь на почерпнутый из культуры прошлый социальный опыт, создавать новые эталоны, нормы, традиции, знания и таким путем порождать новые феномены и состояния культуры»¹⁷.

¹⁴ *Степин В. С.* История и философия науки : учебник для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук. М. : Академический проект; Трикста, 2011. С. 106—107.

¹⁵ *Степин В. С.* Указ. соч. С. 107.

¹⁶ Там же. С. 109, 113.

¹⁷ Там же. С. 116.

Предельно простое определение правовой культуры находим у И. Л. Честнова, который рассматривает ее «как механизм воспроизводства правовой реальности»¹⁸. Автор утверждает, что «именно такой подход к предмету юриспруденции является единственно возможным в условиях современной (постмодернистской) эпистемологической ситуации»¹⁹. В развитие и обоснование простого определения правовой культуры автор приводит достаточно глубокие, а потому сложные рассуждения в духе методологии постмодернизма. По мнению И. Л. Честнова, переход от классического к постклассическому правопониманию означает преодоление представлений о правовых процессах как об объективно существующих и развивающихся, предсказуемых, конструируемых с помощью институтов государства и права. «Очевидно, что в социальном мире действуют не некие коллективные организмы, например государство или право, и даже не формы их внешнего выражения (например, закон), а только люди», — отмечает автор. Поэтому «можно предположить только вероятностные тенденции» массового поведения людей, руководствующихся господствующими в общественном сознании представлениями, следующих сложившимся в социуме образцам поведения²⁰. Таким образом, как полагает автор, речь может идти о тенденциях, но не об общих закономерностях развития общества, государства и права.

Аргументируя социокультурный (культурологический) подход в правоведении, И. Л. Честнов делает два важных вывода²¹. Первый вывод, более радикальный, касается того, что «предмет юриспруденции должен быть переформулирован: его образуют не закономерности возникновения, развития и функционирования правовой реальности, но моделирование или конструирование закономерностей — вероятностных тенденций правовой реальности, существующих как частный случай, момент или сторона...». Второй вывод автора основан на том, что «в предмет юриспруденции неизбежно входят внеюридические явления и процессы, так как они оказывают влияние на право, но не «сами по себе» и не в «полном объеме», а в связи с той ролью, которую они играют в правовом регулировании». Если первое утверждение требует подробного изучения и обоснования в плане «переформатирования» юридической науки и образования, то со вторым выводом автора трудно не согласиться, поскольку правовая жизнь общества на уровне правотворчества, правоприменения и правопользования подвержена влиянию самых разнообразных факторов — экономических, политических, психологических, языковых и пр. Право сосуществует с другими социальными явлениями и зачастую трудноотделимо от них. Правовая материя существует и воспроизводится вместе с другими социальными явлениями и феноменами, поскольку право — это «явление культуры, как, впрочем, и любое другое социальное явление»²². Думается, что социокультурный (культурологический) подход следует отличать от цивилизационно-культурного. Хотя эти подходы имеют много точек соприкосновения и ра-

¹⁸ Честнов И. Л. Культурологическое измерение права // Правовые культуры. Жидковские чтения : материалы Всероссийской научной конференции. Москва, 25 марта 2011 г. / под ред. Г. И. Муромцева, М. В. Неминой. М. : РУДН, 2012. С. 6—7.

¹⁹ Честнов И. Л. Указ. соч. С. 7.

²⁰ Там же. С. 8.

²¹ Там же. С. 9—10.

²² Там же. С. 6.

ботают на взаимообогащение, в то же время они предполагают разный ракурс в исследовании правовой материи.

Культура, формируясь в пределах цивилизации на основе этнической, религиозной, языковой и иных идентичностей, находит выражение и отражение и в правовых формах. Смещение национальных границ, изменение геополитического пространства, реформы и революции, миграция, глобализация и международная интеграция — все это дает объективные основания для изменения вектора правовой культуры в цивилизационном пространстве.

Следует заметить, что идентификация в сравнительном правоведении правовых семей по большому счету осуществляется в рамках цивилизационно-культурного подхода. Под правовыми семьями по большому счету понимают группы стран и народов, связанные общностью цивилизационно-культурного развития.

Отчетливо проявившееся в книге Р. Давида «Основные правовые системы современности» в переводе В. А. Туманова²³ противоречие, связанное с разными основаниями идентификации правовых семей (цивилизационно-культурными, по сути, для общего и континентального права, формационными — для права социалистического) показывает, что типология права и государства может строиться либо на цивилизационно-культурном подходе, либо на формационном, совместить которые не удастся.

Правовые системы стран континентальной Европы у Р. Давида объединены понятием «романо-германская правовая семья»; право Англии и США, а также генетически связанные с ним правовые системы названы «семьей общего права»; особо выделена семья социалистического права²⁴. Как отмечают современные компаративисты, Р. Давидом «была предложена так называемая трихотомия правовых семей»²⁵. Одновременно автор обозначал как «иные правовые системы» право мусульманского мира, Индии, Дальнего Востока, Африки и Мадагаскара²⁶.

Англо-американское и континентальное право идентифицированы Р. Давидом как правовые семьи на основе критериев этического-нравственного и религиозного характера, языка общения, общности правовых традиций, источников права, исторически сложившихся особенностей правотворчества и правоприменения. В работе Р. Давида две группы стран, объединенных исторически, имеющих сходство на основе обозначенных выше критериев, которые следует считать цивилизационно-культурными, идентифицированы как правовые семьи. Третью правовую семью — социалистическое право — Р. Давид выделяет по иным критериям, нежели две предыдущие, поскольку термин «социалистическое» отражает прежде всего экономическую основу жизни общества, а также производные от нее и определившие путь развития общества идеологические установки. Правовую систему Союза ССР, с которой началась социалистическая правовая семья, автор называет советским правом. Термин «советское» ориентирован уже на политическую систему — Советы.

²³ Давид Р. Основные правовые системы современности / пер. с фр. и вступ. ст. В. А. Туманова. М.: Прогресс, 1988.

²⁴ См.: Давид Р. Указ. соч. С. 41—44.

²⁵ Оксамытний В. В. Юридическая компаративистика: учеб. курс для студ. магистратуры, обуч. по напр. подготовки «Юриспруденция». М.: Юнити-Дана, 2015. С. 215.

²⁶ См.: Давид Р. Указ. соч. С. 44—48.

Таким образом, очевидны противоречия в характеристиках, данных французским исследователем правовым семьям и системам современного ему мира. Но эти противоречия отнюдь не результат заблуждений автора, его непоследовательной мировоззренческой позиции, а свидетельство компромисса, на который пришлось пойти, чтобы опубликовать книгу в СССР и донести идеи классической юридической компаративистики до советского читателя. В. А. Туманов в своей вступительной статье к «Основным правовым системам современности», может быть не случайно, обращает внимание на такого рода противоречия в труде французского исследователя: «По ходу изложения Р. Давид сближает, и не без оснований, романские и англосаксонские правовые системы, подчеркивая их общие отличия от социалистического права»²⁷. Противоречия в подходе к феномену правовых семей и систем можно объяснить еще и обозначившимися в мире и отраженными французским исследователем интеграционными процессами, обусловившими их сближение. Но главный фактор сближения западных правовых систем в книге Р. Давида — это генетические различия каждой из них в сопоставлении с социалистическим правом, одновременно подчеркивающие их общность друг с другом.

Как справедливо замечает В. Е. Чиркин, у социалистического права «гораздо больше отличий и от англосаксонского, и от романо-германского права, чем различий между двумя последними семьями»²⁸.

Существование социалистической правовой семьи признается в современной компаративистике и после распада и исчезновения социалистического лагеря как интеграционной системы. Отдельно взятые страны социализма в разных частях земного шара (Вьетнам, Китай, КНДР, Куба), выстроившие и сохраняющие политико-экономические модели, имеющие крайне мало общего между собой, вряд ли дают основания для признания культурной общности в виде социалистической правовой семьи. Однако изучение социалистического права, его специфики, социально-культурных оснований, тенденций развития может и должно быть продолжено с позиций юридической компаративистики.

На фоне революционных событий в России в 1917 г., отрицавших прежние социально-экономические и политические устои общества, а вместе с ними и прежний правопорядок, правительства других стран всерьез озаботились тем, чтобы не оказаться свергнутыми доведенным до отчаяния, возмущенным народом. Таким образом, ни у кого не возникает сомнений относительно того, что Великая российская революция²⁹ изменила ход всемирной истории, в том числе и тенденции правового развития в мире.

²⁷ Туманов В. А. Вступительная статья // Давид Р. Указ. соч. С. 9.

²⁸ Чиркин В. Е. Сравнительное правоведение : учебник для магистратуры. М. : Междунар. отношения, 2012. С. 289.

²⁹ «Великая российская революция» — термин Концепции учебно-методического комплекса по отечественной истории, утвержденной в 2013 г. на расширенном заседании Совета Российского исторического общества и рекомендованной школьникам, студентам, всем, кто изучает историю России. Впрочем, трактовка событий с февраля 1917 по июль 1918 г. как Великой российской революции вполне в русле подходов, существующих в западной историографии при характеристике революций, оказавших влияние на цивилизационное развитие. Так, например, Г. Берман считает, что во всеобщей истории было шесть великих революций. В том числе и российская.

На основе идеологии, созданной в Европе (К. Маркс и Ф. Энгельс по происхождению были немцами, их идеи в конце XIX — начале XX века широко распространялись в европейских странах представителями различных партий левого толка), именно в РСФСР и СССР была создана политико-экономическая система, которую на Западе не удалось реализовать. С утверждением и упрочением советского социалистического государства и права спор славянофилов и западников о том, может ли Россия отличаться от Запада, не будучи при этом отсталой страной, был решен однозначно. С. Хантингтон по этому поводу пишет следующее: «Коммунизм нашел идеальное решение проблемы: Россия отличалась от Запада и находилась в принципиальной оппозиции по отношению к нему, потому что она была более развитой, чем Запад. Она первой осуществила пролетарскую революцию, которая вскоре должна была распространиться на весь мир. Россия стала воплощением не отсталого азиатского прошлого, а прогрессивного советского будущего. На самом деле революция позволила России перепрыгнуть Запад, отличаться от остальных не потому, что “вы другие, а мы не станем как вы”, как утверждали славянофилы, а потому, что “мы другие, и скоро вы станете как мы”, как провозглашал коммунистический интернационал». После окончания Второй мировой войны роль Советского Союза в мире особенно усилилась «из-за притягательности коммунизма для Запада и, что более важно, для незападных цивилизаций, которые встали теперь в оппозицию Западу»³⁰.

Прекратившиеся в годы советской власти споры между славянофилами и западниками возобновились после распада СССР: «Нужно ли России перенимать западные ценности, институты, практики и попытаться стать частью Запада? Или Россия воплощает отдельную православную и евразийскую цивилизацию, которая отличается от западной и имеет уникальную судьбу — стать связным звеном между Европой и Азией?»³¹. Местоположение России на пересечении Запада и Востока, очевидно, означало смешение кодов и программ цивилизационно-культурного развития, что оказывало влияние на развитие страны в ее прошлом, имеет значение для ее настоящего, обуславливает во многом ее будущее.

Описывая цивилизационный подход, М. А. Супатаев отметил следующее: «С начала 90-х годов цивилизационный подход, при всей многозначности в мировом общественном сознании, становится все более востребованным в отечественных отраслях знания, образовании и культуре, хотя его и пытались “скрещивать” с формационным подходом — с большей или меньшей долей нелепости»³². Автор называет цивилизационный подход «новой познавательной суперпарадигмой», позволяющей решать сложные проблемы в области гуманитарного знания, в том числе в юриспруденции.

По мере того как в российском правоведении развиваются методологические направления, основанные на цивилизационной и культурной составляющих, утрачивает свои позиции формационный подход. Теряют свой приоритет безраз-

³⁰ Хантингтон С. Борьба между цивилизациями. С. 262, 263.

³¹ Там же. С. 264.

³² Супатаев М. А. К проблематике цивилизационного подхода к праву (очерки общей теории и практики) : монография. М. : Юрлитинформ, 2012. С. 3.

дельно господствовавшие прежде представления, в которых тип права выводился из типа социально-экономической формации, а само право рассматривалось как надстроечное явление, носящее вторичный характер по отношению к экономическому базису общества.

Вместе с тем В. Е. Чиркин отмечает, что «нельзя сказать, что формационный подход к понятиям и анализу сообществ, цивилизаций, культур, государства, правовых систем совершенно бесплоден. Он создает возможности установить социальную сущность, некоторые принципиальные особенности правовых систем прошлого»³³. При характеристике современных правовых систем В. Е. Чиркин применяет формационный подход одновременно с цивилизационным, называя его «формационно-цивилизационным». В обозначенном методологическом ракурсе на основе синтеза двух подходов и их интеграции ученый идентифицирует в современном мире три правовые системы: мусульманскую, тоталитарно-социалистическую и капиталистическую либеральную систему³⁴. Можно заметить, что критерии, положенные в основу этой классификации, разнятся.

При пристальном взгляде на историю России привычная для нескольких поколений отечественных ученых методология, основанная на признании господства в обществе определенного формационного типа отношений собственности и связанного с нею класса, всегда плохо работала. Идентификация в рамках формационного подхода основных форм собственности и на ее основе — господствующего типа социальных отношений, типа государства и права применительно к России дореволюционного периода не срабатывала, поскольку приходилось объяснять особенности исторического пути российского общества, государства и права по сравнению с другими странами:

- а) почему Россия миновала рабовладельческую формацию и, соответственно, рабовладельческий тип государства и права;
- б) в чем специфика сословного строя, который не совпадал с заданной в рамках формационного подхода классовой структурой общества;
- в) каким образом в России утвердилось и существовала особая политическая форма — самодержавие — и чем она отличалась от заданных в рамках формационного подхода типов государства?

В рамках формационного подхода в России к классу феодалов было принято относить бояр-вотчинников и дворян-помещиков, а также белое духовенство, в то время как это были самостоятельные социальные общности (по способам их формирования, отношению к собственности, правовому статусу, выражавшемуся в совокупности прав и обязанностей). Сословный строй в России сформировался в период правления Петра I и окончательно юридически закрепился в годы правления Екатерины II. Однако впоследствии он служил мощным фактором, сдерживающим развитие экономической, социальной, политической и правовой сфер жизни российского общества. В рамках сословного строя, с его привилеги-

³³ Чиркин В. Е. Некоторые вопросы формационно-цивилизационного подхода в сравнительном правоведении // Правовые традиции. Жидковские чтения = Legal Tradition. Zhidkov's readings : материалы Международной научной конференции. Москва, 29—30 марта 2013 г. / под ред. Г. И. Муромцева, М. В. Немьиной . М. : РУДН, 2014. С. 49.

³⁴ См.: Чиркин В. Е. Указ. соч. С. 51.

ями и ограничениями, не было возможности реализовывать принцип формального равенства — равенства всех подданных перед законом и судом (впервые провозглашенный в России не конституцией, как в других странах, а Судебными уставами 1864 г.). Сословный строй был отменен с установлением советской власти. Так и не успевшее юридически созреть в дореволюционной России формальное равенство было заменено равенством социальным.

Что особенно показательно, принцип социального равенства, получивший в советском праве подробную юридическую регламентацию, а в советской правовой науке детальное доктринальное обоснование, тоже по большому счету носил декларативный характер. Марксистско-ленинские представления о классовой структуре общества в рамках формационного подхода не работали применительно к советскому обществу, особенно на поздних его стадиях существования, не определяли тип государства и права.

Не отрицая классовой структуры советского общества, обозначая поляризацию классов в нем, российский академик Т. И. Заславская отметила, что «это не те классы и не та прослойка, которые записаны в Конституции СССР. Высший класс составляет так называемая номенклатура, объединяющая высшие слои партийной, военной, государственной и хозяйственной бюрократии. Она является полновластным хозяином общества, распорядителем (реально — коллективным собственником) большей части национального достояния, непропорционально большую часть которого она расходует на самой себя. Доля присваиваемого высшим классом богатства характеризуется не уровнем зарплаты, а прежде всего — широким набором присваиваемых бесплатно или за номинальную плату (и недоступных другим слоям) материальных и социальных благ». Далее: «Нижний полюс советского общества образует класс наемных работников государства, охватывающий рабочих, колхозников и массовые группы интеллигенции», именуемых «трудящиеся», которые «составляют единый класс, отличительными особенностями которого служат практическое отсутствие собственности и крайняя ограниченность социально-политических прав». Т. И. Заславская отмечает, что представители этого класса «отчуждены не только от средств производства, но и от собственной истории, культуры, национальных и общечеловеческих ценностей»³⁵.

Таким образом, вряд ли целесообразно отечественному правоведению и далее оставаться в плену формационного подхода, связанной с ним традиции объяснения правовой реальности на основе интересов классов, типов общества, государства и права. Хотя данный стереотип видения тенденций развития общества продолжает воспроизводиться в рамках российской культуры. Еще менее оправданным является смешение цивилизационно-культурного подхода с формационным, поскольку это принципиально различные, взаимоисключающие исследовательские ракурсы при объяснении хода истории, социальных процессов и явлений, тенденций развития общества.

«Кросс-культурный анализ права, — отмечает М. А. Супатаев, — исходит из того, что для любой цивилизации в той или иной степени характерны преемственность в праве, наследование того, что выработано исторически в ее рамках

³⁵ Заславская Т. И. Социетальная трансформация российского общества: Деятельностно-структурная концепция. 2-е изд., испр. и доп. М., 2003. С. 97—98.

(диахронный срез), а также обмен ценностями и заимствования лучших юридических достижений, институтов и норм у других цивилизаций и культур (синхронный срез)»³⁶.

Сравнительно-правовые исследования, воспроизводящие правовую реальность в ее прошлом и настоящем, имеют два ракурса — синхронный и диахронный. Здесь важно не простое хронологическое течение времени — тысячелетия, столетия, десятилетия, годы и даты событий, а сопоставление уровня цивилизационно-культурного развития обществ, в которых развиваются и функционируют явления правовой реальности.

Диахронный срез актуализирует значение историко-правовых исследований, так как именно они позволяют выявить цивилизационно-культурные условия формирования и функционирования правового института и в своей, и в чужой правовой системе. За восстановление цивилизационно-культурного контекста «чужих» правовых институтов отвечает наука «История государства и права зарубежных стран». За установление исторической преемственности «своих» правовых институтов отвечает историко-правовая наука, в нашем случае — история отечественного (российского) государства и права.

Недостаток переноса в российское право в постсоветский период и заимствованных из-за рубежа правовых институтов и юридических конструкций состоит в том, что речь идет о переносе их в одномерном пространстве. Осуществляется перемещение государственных и правовых институтов, освоенных в большинстве случаев лишь на нормативном правовом уровне, на уровне законодательной регламентации. Далеко не всегда анализируются зарубежные юридические доктрины. Не доходит дело до освоения сложившейся в зарубежных правовых системах практики применения этих институтов. И наконец, главное — не исследуется и та цивилизационно-культурная и социокультурная среда, в которой эти институты формировались и действуют. Таким образом, вопреки сложившимся принципам и правилам компаративистских исследований (идентичность объектов, их сопоставимость и др.), эти объекты могут быть выхвачены из иной цивилизационно-культурной и социокультурной плоскости.

Цивилизационно-культурный подход предполагает не только уяснение его на уровне теории, но и применение в сравнительно-правовых исследованиях, в связи с чем можно предложить *пространственную модель сравнительно-правовых исследований* с включением в нее вектора цивилизации и культуры.

Исходя из общенаучных установок, направляющих исследования в разных областях научного знания, следует обозначить три позиции, на которых будет строиться предлагаемая *пространственная модель компаративистских исследований*, включающая цивилизационно-культурный вектор. *Первая установка* состоит в том, что в компаративистском пространстве, как и в любом другом пространстве, в его классическом понимании, будет три измерения. *Второй посыл* предполагает преодоление видения пространства в узком смысле — исключительно как территории. Можно говорить о пространстве, в котором течет вре-

³⁶ Сулатаев М. А. Кросс-культурные сравнительные исследования права // Методологические проблемы сравнительного правоведения. Жидковские чтения : материалы Всероссийской научной конференции 27 марта 2009 г. / под ред. Г. И. Муромцева, М. В. Немиотиной. М. : РУДН, 2009. С. 14—15.

мя (временное пространство, временные рамки). Вполне устоявшимся является термин «правовое пространство», правда, он имеет разные интерпретации и может заключать в себе разные смыслы. *Третий посыл* — это векторное исследование объекта, в котором, наряду с векторами времени и территории, есть вектор цивилизации и культуры на основе программы развития, обеспечивающей преемственность в праве, аккумулирующей опыт, поддерживающей традиции и открывающей возможности для инноваций.

Исследуемый правовой объект рассматривается по обозначенным выше параметрам в компаративистских правовых пространствах применительно как к «реципиенту», так и «донору», и полученные данные сопоставляются.

Вектор территории может охватывать страны и континенты с их границами, менявшимися в результате войн, миграционных процессов; места компактного проживания этнических и религиозных групп и т.д. Территории, связанные общностью этнической, религиозной принадлежности людей, общностью культуры, в понимании компаративистики могут располагаться в различных частях земного шара, прерываться другими территориями и т.д. Так, например, находящуюся на востоке Японию иногда относят к западной цивилизации.

Вектор времени в пространственной компаративистской модели — это не хронологическое и хронометрическое течение времени (тысячелетия, века, десятилетия), а сопоставление эволюционного развития различных обществ. Применительно к разным правовым системам, в условиях разных цивилизаций и правовых культур объекты правовой реальности по-разному эволюционируют и трансформируются во времени. Тот уровень развития правового института, который был достигнут в хронологическом течении времени одной правовой системы, применительно к другой правовой системе подвержен иному течению времени. Наконец, вектор цивилизации и культуры является на сегодняшний день неотъемлемым компонентом в сравнительно-правовых исследованиях, позволяя адекватно оценить тенденции правового развития.

Ученым, работающим в различных областях научного знания, познавательная парадигма, связанная с цивилизационно-культурными факторами, позволяет достаточно глубоко проникать в суть социальной действительности в ее прошлом, настоящем и будущем, мыслить масштабно и проводить исследования на более глубоком уровне. Стоит заметить, что в таких областях знания, как философия, история, социология, политология, цивилизационно-культурная парадигма уже давно заняла свое достойное место, приобрела характер базового целеполагания для широкого круга ученых. Интеллектуальный поиск предполагает переход правоведения «к сравнительному изучению генезисов, роста, надломов и распадов цивилизаций»³⁷. С позиций цивилизационно-культурного подхода определяющим в развитии стран и народов является вектор цивилизации и культуры, который следует понимать как надбиологическую программу жизнедеятельности масштабных человеческих сообществ. И право в его эволюционном развитии оказывается органично встроенным в ткань культуры — наряду с экономикой, политикой, религией, иными формами творческой активности людей.

³⁷ Хантингтон С. Борьба между цивилизациями. С. 152.